

Литература в обществе выполняет три основные функции – это наша коллективная память, наше зеркало и проект будущего. Каждый писатель лично творит свой художественный мир, но задачи при этом решает общие – только тогда он действительно писатель.

Вопрос актуальности и вневременности никогда не бывает простым, но сегодня он обрёл трагическую остроту, и эпиграфом, а одновременно и ответом на обозначенную в докладе тему могут стать строки Пастернака, точно определяющие участь художника слова: «Ты вечности заложник у времени в плену...» Чего требует вечность, держа писателя в заложниках? Вещей простых до невозможного: помнить о ней в любой сиюминутности, жить в её постоянном присутствии, исповедовать и проповедовать её ценности, служить ей. Насколько человек, род, народ и его писатели соизмеряют себя с вечностью, настолько они в итоге оказываются к ней причастны.

А чего хочет от своего пленника время? О, ему не угодишь, даже ревностно прислуживая: на протяжении буквально двух с небольшим веков в России на смену шутам, дамским угодникам и сочинителям хвалебных од для царственных особ приходят пламенные революционеры, затем их вытесняют специалисты по инжинирингу душ, инженеров увольняют без выходного пособия – и сегодня уже востребованы оборотистые официанты: рынок есть рынок, для эконом-класса детектив, дамский роман, стёб, эпатаж, игра на низких инстинктах. Карманный формат, газетный тираж, ремесленная работа на износ души. Для покупателей духом побогаче – и меню другое: русофобия, махровая в том числе, очернительство всего советского и разоблачение кровавых преступлений коммунистического режима, филологические игры праздного ума в «актуальную литературу» и исподволь, неспешно – отказ от нравственных основ общественной и личной

жизни. За это раскручивают, издают, рекламируют, организуют турне, в том числе зарубежные, и выдают премии как современным властителям дум.

Поскольку сегодня учителя и врачи не учат и не лечат, а оказывают образовательные и медицинские услуги, то и писательскую работу в условиях рынка можно назвать оказанием услуг по написанию историй. Ориентированы ли эти услуги на эконом-сегмент, где спрос на развлечение, или на сегмент люкс, где запрос идеологичен, – суть одна и та же.

Время постоянно меняет социальную модальность профессии писателя, и каждый раз после очередного поворота событий начинает список своих пленников с чистого листа, выбросив предыдущий – занедабностью.

Но что-то же остаётся! Да, остаётся. Мучительно зреющее в раздумьях, в социальной неприкаянности и отверженности честно взыскующее вечности, испепеляющее и исцеляющее душу огнём и светом с трудом добытой истины. Собственно, только духовный труд и есть литература. Всё остальное – товар со вкусом литературы, с непременной фальшивой маркировкой: «натуральный писательский продукт».

Литература – традиция духовного труда, самостояния мыслящего человека, ответственности перед вечностью. И чем выше эта ответственность, тем актуальнее литература. Но как отличить актуальность подлинную от актуальности рыночной?

Первая точка расхождения – это **отношение к читателю**. Традиция в любой выпадающей ей современности читателя воспитывает, заставляя каждый раз тянуться к разговору, приподниматься на цыпочки – потому что ей нужен собеседник и единомышленник.

Рынок предлагает работать на потребителя, ибо платит именно потребитель. Писателя здесь формирует читатель, определяя, о чём и как писать и сколько это стоит. Или тот же читатель

холодно сообщает, что ему некогда и вполне достаточно постов в Интернете. Или читатель сам себе писатель на сайтах Стихи-Проза.ру. Общественная польза литературного труда опускается ниже нуля – но именно это и нужно маркетологам всех уровней: они сами желают формировать и спрос, и предложение.

Однако законы культуры и законы рынка соотносятся так же, как эволюция и естественный отбор: нельзя абсолютизировать ни то, ни другое, но если не работает первое, второму вообще делать нечего. Говоря иными словами, после рынка в литературе возможна только пустыня.

Ещё одна точка расхождения – **обратная связь**. Для традиции важен каждый собеседник, общение здесь не массово, а лично. Для рынка единственная рациональная форма обратной связи – обмен печатных знаков на знаки денежные. В эконом-сегменте – в процессе продажи покет-буков, в сегменте люкс – за счёт выполнения открытых или негласных либерально-идеологических заказов.

Третий камень преткновения – **понимание свободы художника**. Свобода в традиционном смысле – это самостояние и ответственность. Рынок же предполагает раскрутку – кто не раскручен, тот и не писатель. Традиция убеждает в обратном: раскручен – значит, уже не писатель, а изготовитель текстов, раскрутка – это практически дисквалификация, ведь те, кто раскручивает, задают движение в сторону, нужную именно им.

Современность для писателя – всегда вызов. И наша – не исключение. Как отвечать – каждый решает сам, в меру своих душевных сил. Сегодня среди всех настоящих проблем, а не наведённых рынком актуальностей наиболее остро стоит вопрос сохранения национальной культуры. Конечно, политологи вокруг говорят о том, что национальное государство вместе с национальной экономикой и национальной культурой уходит в прошлое, но посмотрите, как в ответ на американский проект глобализации глобализация исламская акцентирует свои национально-религиозные особенности! То есть значимость национальной культуры в мире сегодня парадоксально возрастает.

Как это касается нашей литературы? Горько-анекдотично. Например, у нас областная библиотека время от времени приглашает состоявшихся, известных писателей на встречи с российскими и иностранными (часто очень молодыми) авторами, которые дают мастер-классы: что и как писать, чтобы напечататься «в настоящем издательстве» (читай: в коммерческом). А канадская писательская школа подарила веб-кабинет новорождённой детской литературной студии, чтобы учить наших детей писать канадские сказки... Культурная экспансия – абсолютно естественный, нормальный процесс, и вопрос только в том, останут-

ся ли наши сказки русскими (башкирскими, ненецкими и др.)...

Литература традиционно была и остаётся сферой национальной безопасности, делом государственным, трудом, преодолевающим частное временное ради общего вечного. Литература – это сфера производства смыслов. Если посмотреть на смысл как на форму духовной связи отдельного человека с окружающими его вещами и с миром как целым, соединение «я» с «мы», оно может быть представлено в качестве канала связи по которому человек направляет свою жизненную энергию и получает ответ. Смысл – проводник, по которому течёт ток нашей воли. Это корневая система, питающая тонкую травинку или могучее древо нашей жизни.

Обладая индивидуальным, выделенным из мира Природы самосознанием, человек обладает и свободой выбора: направить ли свою волю на событие с породившим его и нуждающимся в нём Миром как целым, то есть соединить системой смыслов «я» с «мы», согласовать своё бытие со всеобщим, – или утвердить в качестве приоритета это, единичную частную жизнь. И надо понимать, что как личность, так и народ, включённые в магистральный смысл всеобщего со-бытия, становятся со-причастны его вечности, а те, кто возвращает свою частность, довольно быстро выпадают в никуда. Мы видим, что смысл является насущной необходимостью бытия, и с утратой его человек погибает, ибо его воля к жизни, не находя связей вовне, внутри него становится волей к смерти.

Литературу в этом контексте можно назвать системой смысловых маяков, расставляемых в наиболее проблемных или прямо опасных точках жизненного пути. Она создает, обновляет, опробует и утверждает смыслы, актуальные для данной эпохи, данной культуры, данного поколения.

И сегодня мы наблюдаем в литературе и в жизни последовательное, стратегически просчитанное обесмысливание. Случайно ли современная русская литература отлучена от государственной поддержки, её общественный статус низведён до хобби, а профессия писателя отсутствует вообще? Нет, это закономерная часть процесса обесмысливания. Случайно ли в качестве замены подлинно национальной литературы раскручивается «обойма» имён и произведений, превращающих в абсурд и бессмыслицу нашу историю, литературное наследие, наше настоящее, наши ценности? Нет, это инструмент обессточивания жизни. И разрушительная деятельность, лишаящая смысла наше бытие, несёт в себе свой собственный совершенно внятный смысл.

Главные удары обесмысливания направлены против **русской истории** – и более всего двадцатого века, которая из истории невероятного напряжения народных сил и практически невозможных, но тем не менее реальных побед превратилась

в историю бессмысленного бунта, бессмысленного братоубийства Гражданской, бессмысленных репрессий, бессмысленной Победы («жили бы сейчас как на Западе...») – первые проблески смысла усматриваются сегодня разрушителями в идее индивидуализма и личного комфорта только в 1960-е. Но разве страна выжила благодаря этому?

Ещё одно направление стратегического удара – **ценностные основания культуры, нравственность**. Изменение отношения человека к человеку, человека к обществу, человека к природе, человека к высшей реальности – к Богу – везде целенаправленно происходит по принципу атомизации, отделения, отпадения от общего события.

Следующий момент – **перенаправление вектора поиска**: литература и гуманитарные науки направляют силы преимущественно на изучение низких смыслов и прямой бессмыслицы как некой безусловной данности. Строительство смысла и неизбежно сопровождающий его пафос рассматриваются сегодня как абсурд. Это зона сумерек сознания, тления и угасания воли, жизненных сил, самой жизни. Ну и, наконец, **прямая подмена**: плохо без смысла? Принимайте наш. Не понравилось? Ну, тогда ваше существование бессмысленно.

Именно эта разрушительная деятельность и преподносится сегодня в качестве новаторства, новых смыслов, актуального языка культуры.

Но почему мы пропускаем удар за ударом? Надо понимать, что сильные стороны нашей культуры при определённых условиях опасно уязвимы.

Во-первых, русскому человеку в силу исторических и географических особенностей формирования национального характера свойствен **поиск коллективного, всеобщего смысла – для всех**. По этому проводу течёт ток самого высокого напряжения, здесь можно реализовать максимум воли. На слабом токе (частных индивидуальных смыслах) наша система просто не работает, и вполне может перегореть, если в этом режиме будет выдерживаться достаточно долго.

Во-вторых, по тем же причинам **смысл должен быть максимально высоким** – иными словами, русский человек живёт в присутствии Бога. Я уже не говорю, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» вовсе не потому, что обманываться приятно, а потому, что мы – культура высокого напряжения.

Запрос на настоящее новаторство находится сегодня в сфере смысловой, в актуализации жизненно необходимых вневременных смыслов, которые нужно искать и формулировать, нести читателям не только через книги, но и в каждодневном непосредственном общении. В смысловой битве драгоценен каждый человек, каждая личность, всё, что объединяет нас, удерживает в бытии и питает нашу волю к жизни. И литература – наша мастерская смысла.